

ДК

330 Итал.

T-20

ШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс всеобщей истории

Новая история

На правах рукописи

Акад. Е. В. ТАРЛЕ

Лекция 14

ИТАЛИЯ ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА. РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ИТАЛИИ

Стенограмма лекции,
прочитанной в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б)
в 1940—1941 учебном году

МОСКВА

1940

ДК
330 Италия
Т 20

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс всеобщей истории
Новая история

На правах рукописи

Акад. Е. В. ТАРЛЕ

Лекция 14

ИТАЛИЯ ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА. РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ИТАЛИИ

Стенограмма лекции,
прочитанной в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б)
в 1940 — 1941 учебном году

943/

МОСКВА

1940

10 243

ИТАЛИЯ ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА. РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ИТАЛИИ

Италия в начале XIX века

Со времени падения Западной Римской империи, в течение полутора тысяч лет, т. е. с конца V столетия, Апеннинский полуостров был разделен на несколько самостоятельных государств. Некоторые из этих государств имели долгую и славную историю со сравнительно высокой культурой. Именно в Италии были сделаны первые шаги европейским капитализмом. Итальянские торговые республики, особенно две из них, Венецианская на востоке Апеннинского полуострова и Генуэзская на западе, владели почти всей торговлей Средиземного моря. Идея объединения итальянского народа появилась в конце XV — начале XVI столетия. Долгое время эта мысль оставалась в области теорий и мечтаний. Италия была страной экономически отсталой и политически раздробленной и в конце XVIII в. Отдельные государства Италии дожили до времен Французской революции и Наполеона.

Наполеон вторгся в Италию впервые в 1796 г., и уже тогда обнаружилась полная невозможность для отдельных итальянских государств противостоять завоевателю. Италия была завоевана в очень короткое время и находилась под властью Наполеона в течение всего его кровавого царствования. Наполеон объявил себя королем Италии, но и он не объединил всего итальянского народа: в итальянское королевство Наполеона вошли пока северная и значительная часть центральной Италии. Что же касается южной Италии, так называемого Неаполитанского королевства, то его Наполеон сначала предоставил своему брату Жозефу Бонапарту, а потом своему маршалу Мюрату. Разумеется, фактически Неаполитанское королевство было тоже под властью Наполеона, потому что Мюрат по существу был только его генерал-губернатором, хотя по своей наивности очень ценил свои знаки королевского титула и считал себя настоящим королем.

Нельзя сказать, чтобы владычество Наполеона в Италии имело для нее только отрицательные последствия. Иго было, разумеется, тяжелое. Приходилось отдавать молодежь в наполеоновские войска, ибо непрерывные рекрутские наборы, опустошавшие во времена Наполеона все подвластные ему государства, касались также и Италии. Многие сотни тысяч итальянцев погибли на полях наполеоновских битв. Многие десятки тысяч погибли и в России в

1812 г. Были большие налоги и полнейшее отсутствие каких бы то ни было политических свобод. Но были и положительные результаты, владычества Наполеона в ряде феодальных монархий Западной Европы, завоеванных им. Они заключались в том, что Наполеон там отменил несвободное состояние крестьян, сохранившееся до него в самых различных формах и проявлениях. Он всюду уничтожал ту тиранию цехов над отдельными предпринимателями и рабочими, которая существовала до него. В Италии он уничтожил остатки феодального строя, можно даже сказать, более прочно, чем в других завоеванных странах. Кроме того, он очень упорядочил администрацию, провел дороги, усилил ирригацию, которая особенно в те времена была так необходима в Италии. Ведь нельзя забывать, что Италия была нищей страной, между прочим, и потому, что огромную площадь в ней занимали болота. Наполеон не осушил всех болот, но предпринятые им ирригационные работы оказали большую услугу земледелию.

Но вот пала Наполеоновская империя. Апеннинский полуостров на основе решений Венского конгресса 1815 г. попрежнему оставался разделенным на несколько государств, хотя количество государств по сравнению с XVIII в. несколько и сократилось.

Препятствием для развития Италии была не только ее политическая раздробленность. Большинство итальянских государств находилось, прямо или косвенно, под австрийским игом. Население итальянских государств, кроме того, жестоко страдало от многочисленных пережитков феодализма и от злейшей политической реакции. На севере Апеннинского полуострова богатая и плодородная Ломбардская равнина и Венеция в первую очередь оказались в руках Австрийской империи (весь северо-восточный угол полуострова). Австрийцы делали все, чтобы задержать промышленное развитие наиболее экономически развитой Ломбардо-Венецианской области, где они являлись полными хозяевами. Был запрещен вывоз за границу, и вся продукция ломбардских фабрик должна была оставаться в пределах Австрийской монархии. Несмотря на эти затруднения, промышленность Ломбардской области развивалась: в текстильной промышленности стали появляться фабрики, увеличивалось число станков в шелковой промышленности. Развитие металлургической промышленности задерживалось в Италии в связи с отсутствием угля и железной руды, а также в связи с общей отсталостью Италии.

В сельском хозяйстве феодальные отношения к началу XIX в. были в основном в большинстве итальянских государств разрушены, но оставалось еще много пережитков феодального гнета. Земли в плодороднейшей долине реки По находились в руках рантье и фермеров — владельцев больших участков в 200—700 акров. Сами рантье жили в роскошных дворцах и никогда не посещали своих владений. Землю крупными участками они сдавали в длительную аренду. Обрабатывали ее крестьяне — издольщики и батраки, работающие за нищенскую плату. Налог на землю в Ломбардо-Вене-

цианской области поглощал до 50 проц. ее доходности; налог на соль был в 10 раз выше ее стоимости. Политический гнет австрийских властей был тяжелым. Австрийские власти могли высечь розгами в полицейском участке любого итальянца.

Центральная часть — Тоскана, Парма, Модена и Лукка, являлись отдельными герцогствами, фактически находившимися тоже под эгидой Австрии. Их возглавляли свои якобы самостоятельные герцоги, но эти герцоги так или иначе опирались на Австрию. Зависимость этих герцогств от Австрии была не такой, как зависимость Неаполитанского королевства от Наполеона — там было полное подчинение, а эти герцогства сохраняли известную самостоятельность. Но герцоги этих владений знали, что в конечном счете от внутренней революции их охраняет Австрия.

В центре же находилась так называемая Церковная область, папские владения. Эта область образовалась еще в период раннего средневековья потому, что римский епископ, вследствие особо благоприятных для него условий, оказался вне зависимости от какой бы то ни было светской власти. Византийский патриарх не мог создать самостоятельной области, потому что над ним была Византийская империя; Рим же переходил из рук в руки, от одного маленького державца к другому, никто не мог там укрепиться, и римский епископ сделался в конце концов светским владетелем Рима и окружающей области. Потом, в средние века, было сделано несколько фальшивок, которые гласили о том, что будто бы в IV столетии благочестивый император Константин подарил город Рим и окружающую область римскому епископу, а сам переехал в Константинополь. Все это было чистейшим вздором. Между тем, еще во времена Ренессанса, при Лоренцо Валла, обнаружена была полная нереальность этого мнимого права папы на Церковную область. Однако и теперь, в 1940 г. в так называемых католических университетах в Испании, в самом Риме, во Франции торжественно, серьезно с кафедры преподается, что император Константин подарил Рим папе Сильвестру. Разумеется, здесь налицо совершенно сознательная ложь.

Наполеон в начале XIX в. присоединил Рим к своим владениям и своего маленького сына, наследника французского престола, назначил королем римским; так он и называл его: *roi de Rome*. А папу, «чтобы избавить его от излишних волнений» (как было сказано в официальных французских газетах), перевезли в Фонтенебло, где он имел право гулять около дворца и пользовался другими, подобными же «привилегиями».

После падения Наполеоновской империи папа Пий VII вернулся из плена в Рим попрежнему светским владыкой над Церковной областью. Эта область и Королевство Обеих Сицилий были наиболее отсталыми государствами Италии. Папа Пий VII, вернувшись из Франции, восстановил феодальные права крупных землевладельцев. Папская область была разделена на четыре легатства с епископами во главе, игравшими роль губернаторов. Город Рим

был отдан в управление кардиналу, который был одновременно и обер-полицеймейстером. Внутри Папской области были восстановлены таможенные заставы, а в каждой провинции свои единицы меры и веса. Промышленность почти не развивалась, за исключением шелковых и шерстяных мануфактур. Положение Папского государства накануне 1848 г. ярко охарактеризовал мелкобуржуазный революционер Орсини: «Тяжелые налоги, безнаказанность преступлений, терпимость к варварству, неистребимый бандитизм, армия из наемников и полное доверие швейцарским войскам».

Наконец, на юге в Королевстве Обеих Сицилий водворились опять изгнанные Наполеоном неаполитанские Бурбоны, родственники Бурбонов французских. Это королевство было самым большим по численности населения. В нем накануне революции насчитывалось 8 млн. жителей, в число которых надо отнести 20 тыс. патеров и 20 тыс. монахов и монахинь. Промышленность была развита крайне слабо. Оливковое масло в вывозе занимало первое место.

При французском господстве большинство монастырей было закрыто, и их громадные земельные владения проданы или сданы в бессрочную аренду. В связи с этим в королевстве появилось до миллиона земельных собственников.

Крестьяне в этом королевстве владели не менее жалкое существование, чем в Папской области: их обирали, помимо государственных чиновников, фермеры и ростовщики. Крестьяне фактически были крепостными своих землевладельцев, они были связаны по рукам и ногам долгами. В Королевстве Обеих Сицилий господствовал полный произвол: королевская полиция могла запросто, без соблюдения особых формальностей, высечь любого подданного, а в период народных движений практиковались и массовые публичные порки. Правительство королевства в своих реакционных мероприятиях опиралось на Австрию.

На северо-западе находилось Сардинское королевство, иначе называвшееся Пьемонт. Это государство занимало своеобразное положение среди итальянских государств. Королевство Пьемонт было самостоятельным и принадлежало старой итальянской Савойской династии.

Сардинское государство находилось в непосредственном соседстве с Францией и Австрией, и сардинские короли в своей внешней политике вынуждены были лавировать между этими соперничающими державами, что позволяло Пьемонту оставаться более самостоятельным государством, чем другие итальянские государства. Кроме того, это королевство имело довольно сильную армию, что тоже способствовало сравнительной независимости Пьемонта.

В первой половине XIX в. это государство не было самым передовым в Италии. Крупная фабричная промышленность в Пьемонте уступала промышленности Ломбардо-Венецианской области. Пережитки крепостничества в пьемонтской деревне сохранились больше, чем в каком-либо другом итальянском государстве. Крестьяне в своем большинстве были бессрочными арендаторами-половниками.

Земля в крупных хозяйствах обрабатывалась батраками или крестьянами-бедняками. Торговля шла через Геную, вывозились из Пьемонта, главным образом шелк-сырец, оливковое масло и вино.

Церковь, хотя формально была подчинена государству, производила самостоятельно с населения тяжелые поборы. В Сардинском королевстве сохранилось до 300 монастырей.

Забегая несколько вперед, надо отметить, что с началом строительства железных дорог в Италии больше всего их строилось в Пьемонте. Политические деятели Италии видели в железных дорогах не только рычаг экономического подъема жизни страны, но и мероприятие, которое может ускорить объединение Италии.

Вот какова, в основном, оказалась карта Италии после падения Наполеона.

Карбонарии и революционное движение в 20-х годах XIX века

После Венского конгресса 1815 г. возникает очень скоро протест против установленных порядков. И протест этот имеет двойное происхождение. Прежде всего это был протест поднимающийся здесь, как и всюду, буржуазии против той реставрации феодально-дворянских порядков, которую несли с собой возвратившиеся маленькие державцы. Это был протест буржуазно-либеральной оппозиции. С другой стороны, в той же итальянской буржуазии и части мелкопоместного дворянства стало проявляться тесно связанное с требованием либеральной реформы стремление к политическому воссоединению Италии. Вызывалось это стремление целым рядом назревших нужд: необходимостью иметь единый рынок и достаточные силы, чтобы отстаивать интересы Италии против внешнего давления на нее. Словом, все то, что впоследствии проявилось в Германии, стало проявляться вначале в Италии.

Воззрения на то, чем должна быть Италия в будущем, были различны, но уже в первые годы после Наполеона обозначились основные из них.

Еще при Наполеоне в 1807 г. в Неаполитанском королевстве появилось тайное общество, которое стало называть себя «обществом угольщиков» — карбонариев. Карбонарии хотели действовать против наполеоновского деспотизма, свергнуть его путем заранее подготовленного восстания и путем внезапного выступления организованного меньшинства, вокруг которого должны были собраться все оппозиционные силы Италии.

Карбонарии удержались и после падения Наполеоновской империи, но их усилия теперь направились против отдельных владельцев, между которыми был поделен Апеннинский полуостров. Главными, организаторами этого движения в конце второго и в начале третьего десятилетия XIX в. была буржуазная интеллигенция и отчасти интеллигенция дворянская.

В 1820 г. в Испании началось военно-революционное движение, произошла революция, заставившая Фердинанда VII испанского

дать конституцию, правда, просуществовавшую недолго: она была уничтожена в 1823 г. французской интервенцией.

И неслучайно в том же 1820 г. аналогичное движение, тоже военно-буржуазное, вспыхнуло в Неаполе. Испуганный король Фердинанд неаполитанский немедленно дал конституцию, не сделав попытки сопротивления. Английский посол лорд Бентинк был поражен трусостью неаполитанского короля: король не только не сопротивлялся, но, даже уступив, все еще трусил. И когда англичанин, пытаясь его успокоить, сказал: «Чего вы, ваше величество, боитесь, ведь неаполитанцы вам ничего не сделают, они ведь трусы», — король, плача, ответил: «Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус». Эта трусость и заставила его уступить. Но это вовсе не значило, что конституция удержится надолго.

Когда разразилась неаполитанская революция, европейские правительства обеспокоились, а в особенности австрийское, где главную роль играл тогда Меттерних, а также забеспокоился и русский император Александр I. Они с самого начала решили, что необходимо задавить эту революцию. Особенно необходимо это было Меттерниху, потому что австрийское владычество на севере Италии с точки зрения итальянского объединения и нараставшей революционной волны было тем более невыносимо, что это было владычество совершенно чуждой державы. Поэтому подчинение Ломбардо-Венецианской области требовало сохранения *status quo* (существующее положение). По этому поводу в Троппау собрался в 1820 г. конгресс Священного союза (оттуда он был потом в 1821 г. перенесен в Лайбах). На этот конгресс был приглашен и король Фердинанд неаполитанский.

У себя, в Неаполе, Фердинанд клялся всеми возможными клятвами сохранять конституцию; несколько месяцев он действительно соблюдал ее и как будто освоился с положением конституционного монарха. Он даже говорил, что поедет на Лайбахский конгресс только для того, чтобы отстаивать права неаполитанской конституции. Все это делалось для того, чтобы ему позволено было уехать из Неаполя.

Перед отъездом он не только подписал все те обязательства, которые ему предлагали подписывать, но еще от себя прибавил то, чего от него и не требовали — в таком духе, что «разрази меня господь, если я что-нибудь...». Затем он уехал и сейчас же обратился к Лайбахскому конгрессу с заявлением, что его разбойничьим образом заставили подписать все это и что он просит помощи. В 1821 г. австрийские войска вошли в Неаполь, и революционное движение было подавлено. Король вернулся и самым коварным образом расправился с теми, перед кем он так позорно трусил и кого он еще более позорно обманул. Конституция была взята обратно.

После подавления революционного движения в Неаполе, началось движение в Пьемонте в Сардинском королевстве. Здесь

тоже наскоро была дана конституция, и эта конституция столь же благополучно в том же 1821 г. была взята назад.

В Австрии, в Ломбардо-Венецианской области, были отдельные мелкие вспышки, но Меттерних немедленно и весьма жестоко подавил их, расправившись беспощадно с теми карбонариями, которых удалось захватить: они поплатились либо жизнью, либо долгосрочным заключением за свои неудачные попытки *).

Потянулись 20—30-е годы; революционные настроения назревали все более и более, но они ни к каким результатам не привели.

Революционное и либеральное движение 30—40-х годов XIX века

С 1831 г. на политическом поприще, на поприще итальянской революции выступает Джузеппе Маццини. С его именем связана вся дальнейшая революционная борьба в Италии.

Джузеппе Маццини (1805—1872) был лично наиболее чистым, наиболее благородным типом буржуазного революционера того времени. Своим идеалом он ставил объединение Италии в форме единой республики. Маццини был искренне предан идее демократической революции. Но главным недостатком этого представителя революционной буржуазии было то, что он всегда стоял за восстание — без учета обстановки и без предварительно настойчивой, упорной работы в массах. Он искал классовой опоры главным образом среди буржуазии и либерального дворянства. Маццини был сторонником буржуазной собственности и врагом коммунизма. Его лозунги носили следы отсталости общественного развития, которая бесспорно была налицо в Италии, где мелкая ремесленная промышленность еще преобладала над машинной, крупной промышленностью, где пережитки феодализма в сельском хозяйстве были значительны. В этот период в Италии только кучка людей была грамотна; в массе населения царил глубокое невежество. Даже и те немногие, кто были грамотны, с трудом могли нацарапать свою фамилию на каком-нибудь документе. Книг выходило мало, читались эти книги еще меньше. Невежество политической мысли царило полнейшее.

Девиз, который выдвинул Маццини, был рассчитан на эти темные массы. Но хуже всего, что этот девиз для самого Маццини имел не только пропагандистско-педагогическое значение, он имел для него и непосредственную ценность. Этот девиз был «*dia e roro*», т. е. «бог и народ». Другими словами, Итальянская республика, по мысли Маццини, должна, если и не стать чисто кле-

*) Для ознакомления с бытом политических арестантов времен Меттерниха можно прочесть знаменитую книжку одного из карбонариев, посаженного Меттернихом и проведшего долгие годы в каторжной тюрьме в Шпильберге — Сильвио Пеллико. Эта книжка несколько раз переводилась на русский язык, имеется и советское издание.

рикальной республикой, то, во всяком случае, отвести церкви огромную роль. Такой лозунг был выдвинут с расчетом на то, чтобы не оттолкнуть огромные католические массы от этого объединения.

Общество, организованное Маццини, было названо «Молодая Италия». Метод «Молодой Италии» заключался в пропаганде идеи уничтожения всех отдельных властей на всем пространстве Апеннинского полуострова и объединения Италии в виде единой республики. Это можно было сделать только революционным путем, так как народ, по мнению Маццини, более или менее был подготовлен. Нужно где-нибудь начать вооруженное восстание, низвергнуть местного властителя, и затем вокруг такой кристаллизирующейся ячейки собирать революционные силы для воссоединения Италии.

Об идеализме Маццини и его сторонников Маркс писал следующее: «Обращая внимание исключительно на политические формы государства, эти люди не сумели разглядеть организацию общества, как основу, на которой покоится политическая надстройка. Кичась своим ложным идеализмом, они считали ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью. Нет ничего легче, как быть идеалистом за счет других. Человеку пресыщенному легко смеяться над материализмом людей голодных, просящих грубого хлеба, а не возвышенных идей» *).

Маццини не был связан с массами и не опирался на них, он не понимал важности разрешения аграрного вопроса, необходимости улучшения экономического положения рабочих. Он для захвата власти делал установку на кучку революционеров-заговорщиков.

В начале своей деятельности Маццини вынужден был бежать из Италии. Он поселился в Лондоне, затем скитался в Швейцарии, переезжал несколько раз с места на место, затем снова более или менее прочно поселился в Лондоне. Он сделался главой всяких вспышек, которые происходили в 30—40-х годах XIX в. в Италии.

Эти вспышки и стычки кончились кровавой реакцией и не привели к сколько-нибудь заметным результатам. Но у Маццини была своя теория, связанная с его мистическим умонастроением. Он указывал в своих прокламациях, что кровавое мученичество — это тоже достижение, что идея объединенной Италии не умрет, и каждая неудача все-таки лучше, чем непробудный сон, в который была бы погружена страна, если бы не такие отдельные вспышки. Против него с самого начала в кругах итальянской буржуазии возникло враждебное течение, враждебное не только потому, что его лозунг — лозунг объединенной Италии — казался слишком радикальным, но и потому, что считали самый метод Маццини совершенно неправильным. Буржуазная же молодежь сплошь шла в ряды «Молодой Италии». Казалось, что эта идея привлекала многих. Но, начиная с 40-х годов, когда в самой Европе стали явно назревать

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 508.

революционные события, реакция в Италии начала особенно усиливаться.

Революция явно шла в гору. И во Франции, и в Германии, и даже в задушенной Меттернихом Австрии было ясно, что умы оживляются и что в конце концов это оживление приведет к взрыву.

40-е годы — это изумительная эпоха. Это отмечали Маркс и Энгельс, отмечали и другие деятели, стоявшие на самых разнообразных идеологических позициях. Нараставший революционный поток в 40-х годах отозвался всюду. Ведь и в России, под ледяной корой николаевского самодержавия, в эти годы кипела яркая и блестящая революционная мысль, правда, чисто теоретическая.

По мере того как приближение революции становилось все более и более осязательным, у итальянской буржуазии стали появляться либеральные течения. Создавались организации во всех частях Италии, отстаивавшие идею воссоединения Италии. Но перед этой центральной задачей — задачей воссоединения, гранитной стеной стояла Ломбардо-Венецианская область. Еще можно было, обладая хорошим воображением, представить себе, что можно будет выгнать неаполитанских Бурбонов, можно будет заставить маленьких самодержцев дать конституцию, но изгнать из Ломбардии и Венеции австрийскую армию — армию одной из немногих тогда великих держав — представлялось непреодолимо трудным.

Среди умеренных кругов итальянской буржуазии возникла полемика против Маццини. Были выдвинуты две линии поведения, два новых течения, тоже революционных по своей идеологии, революционных в том смысле, что расчет делался также на революцию, на вооруженное восстание.

Одни (во главе их стоял некий националист аббат Джоберти) говорили, что нужно воспользоваться папством. Если папа, как светский государь Рима и Римской области, обнаружит какое-нибудь понимание нужд итальянского народа (тогда говорили не «нужды буржуазии», а «нужды итальянского народа»), тогда этот папа должен сделаться центром движения. Вокруг него соберутся все итальянцы. Папа, как светский государь, мал, но как глава сотен миллионов католиков, живущих на земном шаре, он имеет огромную моральную силу в народных массах. Если он станет во главе движения, вокруг него можно будет объединить Италию и, может быть, собрать настолько большие силы, что окажется возможным предпринять войну против Австрии, в целях изгнания австрийцев из пределов Апеннинского полуострова. Мечтания Маццини о республике надо оставить в стороне. Они только вредят. Папа никогда не пойдет с Маццини, несмотря на его лозунг «бог и народ», — ведь мацциниевский бог не похож на бога папы. Нужно принять более умеренную программу, и на ее основе готовить союз. Не нужно даже выгонять отдельных монархов, которые соберутся вокруг папы. Нужно только, чтобы они объеди-

нились в один тесный союз, создали единую армию, чтобы изгнать австрийцев.

Во главе другого течения стояли граф Чезаре Бальбо и политический деятель Сардинского королевства — Кавур. Это течение также признавало, что изгнать австрийцев из Ломбардо-Венецианской области без предварительного объединения Италии нельзя, но считало, что объединиться нужно около сардинского короля. Когда сардинский король превратится в короля итальянского, он и поведет за собой все объединенные области Италии против австрийцев. Кавур не мог публично и гласно заявлять, что он желает изгнать австрийцев, но это было основной предпосылкой всего его построения. В этом направлении он и действовал.

Чтобы определить историческую миссию Кавура, приходится выйти даже несколько за пределы итальянской политической борьбы. Кавур являлся в глазах всей либеральной буржуазии и Запада и России олицетворением действенности, логичности и целесообразности либеральной программы. Его деятельность была для либеральной буржуазии благодарным материалом для агитации. И в этом отношении деятельность Кавура выходит далеко за пределы итальянской истории.

Возьмем, например, статьи Добролюбова о Кавуре. Многие статьи Добролюбова в наши дни уже устарели, отошли в историю литературы, но его статьи о Кавуре бессмертны, хотя их у нас мало знают. Одна из этих статей называется «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», другая — «Из Турина». Эти статьи — одно из отражений той борьбы, которая велась в Европе на почве анализа политики Кавура.

Кавур считал, что Маццини не просто безразличный враг, а враг вредный, как вредны всегда, по его мнению, революционеры. По мнению Кавура, нужно действовать извилистым, дипломатическим путем, уступая здесь, идя на компромисс там, отдавая даже часть своих благ в третьем месте; надо достигать своих целей, объединяя умеренные силы, не идущие за революцией. То обстоятельство, что имя Кавура вклинилось в историю объединения Италии, что либеральные публицисты приписывали это объединение больше всего ему, то обстоятельство, что его программа была как бы вызовом революции, — все это и возбуждало политическую страсть в Добролюбове и других революционных публицистах во всей Европе против Кавура. Против него боролись многие, но никто не был так талантлив, как Добролюбов. Poleмика против Кавура велась и во Франции и в других странах, но не выходила за пределы текущей журнальной и газетной полемики. Статьи же Добролюбова остались перлом литературного мастерства.

Идея Кавура такова: объединение необходимо, но оно должно совершиться при помощи чужой державы. Даже если объединение будет достигнуто, если все отдельные государства Италии объединятся вокруг Пьемонта, вокруг короля Виктора-Эммануила, — даже в этом случае без чужой помощи с австрийцами справиться

будет нельзя. Пока во Франции сидел Луи-Филипп, на него нельзя было рассчитывать; когда там образовалась республика, на нее тоже трудно было надеяться. Но позже, когда воцарился Наполеон III, когда во Франции была создана абсолютная монархия, то на нее уже возможно было рассчитывать. Конечно, Италия должна была в пользу Наполеона III пожертвовать многим, даже частью территории, но лучше было опереться на деспота, чем на революцию, лучше было идти с Наполеоном III, чем с Маццини. Такова была программа Кавура. Кавур был более сильным противником для Маццини, чем какой-нибудь Джоберти и другие публицисты, проповедывавшие объединение вокруг папы. Либеральное движение итальянской буржуазии 40-х годов XIX в. получило название «Ризорджименто», так как проповедывало необходимость «возрождения» («Risorgimento») Италии.

Вот эти-то течения и были распространены среди буржуазных слоев в Италии, когда в 1848 г. произошла революция.

Еще в 1846 г. в июне на папский престол, тогда освободившийся, был избран епископ Мاستан-Феррети, получивший имя Пия IX. Это был человек бесспорно умный, и, когда он вступил на папский престол, он как будто бы думал воспользоваться одним из двух течений среди либеральной буржуазии, направлявшихся против Маццини, именно тем течением, которое ставило папу в центре будущего объединения Италии. Пий IX начал с так называемых либеральных реформ. Правда, либерализм его был не слишком обширен, но все же он устранил по крайней мере некоторые злоупотребления. Ведь Папская церковная область была в буквальном смысле слова авгиевой конюшней, которую нужно было очистить от вековой, тысячелетиями накопившейся, грязи. Пий IX улучшил администрацию, прогнал наиболее прославившихся казнокрадов и воров, так долго управлявших его имениями, выработал нечто вроде конституции, т. е. призвал выборных, которым дал совещательное право. Все это происходило в 1846 г. и было принято с бурным ликованием, настолько бурным, что Николай Павлович нахмурился в Петербурге: на папском престоле завелся революционер (таким считали Пия IX). Джоберти и его приверженцы, строившие свою теорию на объединении вокруг папы, непрестанно теперь указывали, что либеральный папа, понимающий потребности времени (каким оказался якобы Пий IX), и есть то, что нужно итальянскому народу. Он положит начало тому великому национально-освободительному либеральному движению, которое столь необходимо для Италии.

Враги Пия IX, боявшиеся его «революционности», не поняли его. Либеральная политика была лишь тактическим приемом. В Пие IX сидел самый фанатический реакционер, что и сказалось через какие-нибудь два года — в революции 1848 г., когда его власти стала угрожать опасность. Он оказался огромнейшей идеологической поддержкой всей той могучей реакционной силы, которая заключается в католической церкви. В этом отношении он бо-

лее похож не на своих непосредственных предшественников, а на пап XVI столетия, начиная с папы Павла III, который боролся против реформации.

В истории папства тоже был период, если хотите, некоторого «либерализма», отношения «спустя рукава» к идейным врагам. В эпоху Возрождения какой-нибудь папа Лев X был довольно равнодушен к своим идейным противникам. Он неоднократно говорил, что раз «господь бог послал нам папство, будем им пользоваться». Он и пользовался папством для своего удовольствия, для широкой жизни и т. д. и отличался вместе с тем определенным ленивым свободомыслием, позволявшим даже известную полемику против тех или иных установленных взглядов. В XVI столетии, когда в самом деле нужно было бороться против серьезного врага — против реформации, папы опять круто повернули к самой фанатической, самой беспощадной реакции. Пий IX был в духе тех пап, которые боролись против реформ. Именно папа Пий IX и выдвинул ту мысль, которая вплоть до конца его жизни, вплоть до вступления на престол папы Льва XIII сделалась руководящей для папства: никаких уступок, дух времени идет против церкви, малейшие уступки погубят ее, нужно стать на точку зрения, радикально противоположную той, которая идет против папства. Как быть, например, с наукой? Приспосабливаться к ней? Нет, этого нельзя делать католицизму, надо отрицать то, что делает наука, и собрать вокруг себя всех тех, кто тоже отрицает науку, надо воспользоваться всеми теми силами, которые папа еще имеет. Нужно отрицать Дарвина. Тот, кто за Дарвина, за Кеплера, за Галилея, — тот против нас. Говорят, земля вертится вокруг солнца; нет, не вертится, стоит; если ты говоришь, что земля вертится, то ты должен быть выметен из церкви. Ты должен верить во все то, во что верит папа, ты должен выкинуть из своего ума все, чего не признает церковь.

Став на такую точку зрения, очень скоро после революции 1848 г., Пий IX окружил себя величайшими мракобесами. При таких условиях говорить о том, что папство может быть использовано для прогрессивных целей, уже не приходилось. Такой человек, как Пий IX, не мог, разумеется, долго увлекаться либеральными реформами, но в 1846 — 1847 гг. он был очень популярен.

* * *

Революция в Италии 1848 года

Экономический и политический кризис, который развертывался в странах Западной Европы, начиная с 1846 г., а особенно в 1847 г. и начале 1848 г., не мог не захватить и Италии. К середине XIX в. противоречия между развивающимся капитализмом, с одной стороны, и феодальной раздробленностью и полукрепостническими отношениями в Италии, с другой, становятся все более острыми. Движение в итальянских государствах с 1846 г. и до начала 1848 г.

шло по преимуществу под лозунгами требований реформ. В ряде государств частичные реформы и были проведены.

В 1848 г. революционное движение вспыхнуло резко в Палермо (Сицилия) и в Неаполе. Восстание в Палермо началось 12 января 1848 г., и баррикадные бои продолжались до 27 января. Восставшие выступали с требованиями независимости Сицилии и введения конституционного строя. Власти в Палермо были свергнуты, и там образовалось временное правительство во главе с умеренным либералом Руджиери Ситтимо. Король Фердинанд II перебросил в Сицилию крупные военные силы для подавления революционного движения. Эти войска, встретив объединенный отпор со стороны жителей Палермо и крестьян Сицилии, вынуждены были отступить. Эти выступления народных масс в Палермо и Неаполе открыли новый этап в развитии революции в Италии. 28 января король неаполитанский Фердинанд II, «король-бомба» (прозванный так за бомбардировку Мессины), напуганный революционными событиями, согласился на конституцию (с двухпалатным представительством) и на назначение либерального министерства.

Когда пришла весть о бегстве Луи Филиппа из Франции, когда в марте вспыхнула революция в Австрии, когда Меттерних, который более 30 лет держал в порабощении Северную Италию, — тот самый Меттерних, который говорил, что «господь послал его для уничтожения революционной гидры», — переодетый в женское платье, бежал во всю прыть из Вены, когда стало известно о полном крушении абсолютизма во всех странах Центральной Европы, — разумеется, и в Северной Италии, где почва была подготовлена, не могло не вспыхнуть восстание. Нечего и говорить, что пришлось как можно скорее сколотить какую-то буржуазную конституцию и в других государствах Апеннинского полуострова.

Перед сардинским королем Альбертом встал вопрос: что теперь делать? Папа, повернувший очень быстро от либеральных реформ к реакции, перестал быть соперником в деле будущего воссоединения Италии. Но налицо оставался Маццини, налицо оставалась идея «Молодой Италии», идея объединения вокруг республики. Нужно было решить вопрос: объединится ли Италия вокруг республики или вокруг Сардинского королевства? Для решения этого вопроса было необходимо немедленное выступление против Австрии. Единственным преимуществом сардинской монархии перед республиканской идеей было то, что она могла выступить немедленно, у нее имелась готовая организация государственной армии. Кавур и те, кто шли за ним, не так уж торопились выступить против могущественного врага — Австрии. Но в тот момент все казалось возможным. Ведь в такую бурную революционную эпоху многое желаемое начинает казаться уже существующим.

Так быстро шли события — французский король Луи Филипп бежал, прусский король Фридрих Вильгельм должен был с обнаженной головой встречать жертвы революции и дать конституцию, австрийский император тоже дал конституцию. Меттерних бежал,

и, казалось, нет такой силы, которая может удержать революцию. Решающим событием для развертывания революции в Италии явилась Мартовская революция в Габсбургской монархии.

После событий 13 марта в Австрии началось всеобщее ликование населения в Милане. Генерал Радецкий, начальник австрийского гарнизона, 18 марта объявил Милан на осадном положении, но это уже не могло спасти господства австрийцев в Северной Италии. Массы в тот же день ответили на эту провокацию восстанием. После пятидневного сражения на улицах Милана народные массы вынудили австрийские войска очистить город. Энгельс вскоре после этих событий в Милане назвал миланскую революцию, как «...самую славную революцию из всех революций 1848 г...» *).

Поднялось население всей Ломбардии и Венеции, и всюду изгонялись австрийские власти и войска.

Восстание в Венеции вспыхнуло 22 марта 1848 г., причем народ взял приступом арсенал. Австрийские войска без боя отступили из Венеции. Уже 23 марта была провозглашена Венецианская республика во главе с популярным адвокатом Маниным.

Теперь Австрия уже не та, какой она была до революции — так думали в Италии — значит, ее можно попытаться изгнать своими силами с Апеннинского полуострова. По требованию народных масс правительство Пьемонта 24 марта 1848 г. объявило Австрии войну. К пьемонтским войскам присоединились волонтеры под начальством народного героя итальянского освободительного движения Гарибальди.

Джузеппе Гарибальди (1807—1882), моряк по профессии, еще в молодости увлекся идеей объединения Италии и вступил в тайное общество «Молодая Италия». В начале 30-х годов встретился в Марселе с Маццини, по предложению которого поступил на службу в Сардинский королевский флот, чтобы подготовить там восстание. После неудачного восстания Гарибальди был арестован, а потом бежал в Америку. Королевский суд заочно приговорил его к смерти. До начала революции в Италии Гарибальди находился в Южной Америке, где принимал участие в борьбе за независимость провинции Рио-Гранде, против Бразильской империи. Далее он принимал участие в борьбе Монтевидейской (Урагвайской) республики против аргентинского диктатора.

В Южной Америке Гарибальди проявил чудеса храбрости. О его победах и бесстрашии стало известно на его родине в Италии. Прибытие Гарибальди в Италию было встречено народными массами с энтузиазмом. Он быстро набрал волонтеров, и после долгих проволочек со стороны военного министерства его стрелки были включены в состав военных сил Пьемонта. Отрядам Гарибальди со стороны министерства чинились всякие помехи, плохо снабжали волонтеров военным снаряжением и продовольствием.

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 259.

В войну против австрийских войск под давлением масс вступают неаполитанский король и Тоскана, где в гор. Флоренции в результате восстания было создано радикальное министерство во главе с либеральным писателем Гвераци. Даже папа Пий IX послал войска против австрийцев.

Так завязалась эта военная борьба. Она началась в апреле 1848 г. нападением войск короля Альберта на австрийцев. В течение апреля и мая дела шли более или менее хорошо. Но настоящих собственных сил у итальянской революционной армии было все-таки не так много. В период войны с Австрией все сильнее втягивались революционные массы в борьбу.

В апреле 1848 г. в Риме произошло восстание, папа был вынужден бежать. Сицилия откололась от Неаполя, Фердинанд II был провозглашен там низложенным. С восстанием непосредственно в Неаполе король расправился с помощью войск, вызванных с фронта.

На успехи и неудачи итальянских войск против Австрии влияли малейшие колебания, которым подвергалось революционное движение в больших державах. Поэтому, когда в мае уже стала вырисовываться реакция во Франции и стал приободряться и Николай, столь удрученный первыми успехами революции (от Николая уже стали исходить бодрящие призывы, которые оживляли реакцию в Австрии), — фельдмаршал Радецкий, командовавший австрийской армией, получил те подкрепления, которых австрийская монархия не могла дать до сих пор, так как слишком много возни было у себя дома против собственной революции, — начал теснить нерешительно действовавшего против Австрии короля Альберта. В июне наступила развязка, а в июле дело было окончательно ликвидировано: после поражения при Кустоцце Карл Альберт должен был поспешно отступить к собственным границам. Вслед затем в начале августа 1848 г. войска Радецкого снова заняли г. Милан. Это был большой успех контрреволюции. Контрреволюционеры воспрянули духом. Папа вернулся в Рим. Фердинанд II раздавил революцию в Сицилии. А в августе вся Ломбардия оказалась попрежнему в руках австрийцев.

Венеция держалась дольше. Сначала она тоже провозгласила свое присоединение к Пьемонту, но когда Пьемонт вынужден был заключить мир с Австрией, Венеция объявила себя самостоятельной республикой. Долго же продержаться не могла и она.

В 1849 г. произошла еще одна вспышка. К этому времени обнаружилось, что Карл Альберт не только не может, но и не хочет воевать против австрийцев. По мере того как увеличиваются трудности сопротивления врагу, когда необходимо напрячь все силы, когда необходимо прибегнуть к революции, революционный подъем возможен только в том случае, если можно отместить реакционные и умеренные элементы: в этот момент, если у революции нет достаточно сил, чтобы с ними покончить, умеренные элементы неизбежно переходят на сторону контрреволюции. Это — шаблон, пов-

творявшийся в истории несколько раз, и это неминуемо. Об этом говорит и такой проницательный, такой великий стратегический гений, как Наполеон I. Когда в 1815 г. он вернулся на престол, не пролив ни одной капли крови, когда он, прогнав Бурбонов, пошел против новой европейской коалиции и погибал при Ватерлоо, предвосхищая мысль Маркса о том, как нужно вести революционную борьбу, он сказал: «Чтобы победить, я должен призвать революцию, но я не хотел стать царем Жакерии, царем крестьянского восстания, я должен был призвать все те силы, которые могла дать только революция, но я не хотел призывать революцию». Наполеон определенно указывал, что при всем своем обаянии он не мог сделать того, что могла сделать революция. Чтобы победить, ему нужна была революция. Никто другой не мог ему помочь — это он прекрасно понимал своим светлым умом.

Вернемся теперь к 1848 году. Карлу Альберту далеко было до Наполеона I, и Радецкий мог бы разбить его даже в том случае, если бы у него было больше сил. Тем не менее маццинисты-республиканцы еще не отчаивались, еще держались, и Радецкий боялся революционной волны. Для победы над Радецким нужно было призвать силы революции, а этого Карл Альберт не хотел и предпочел бросить начатое дело. Это, разумеется, было изменой национальному делу.

Это был момент, подобный тому, перед которым Франция стояла в 1792 — 1793 гг., когда нужно было либо продолжать возиться с обитателями Тюильрийского дворца, изменяющими Франции и переписывающимися с иностранцами, либо низвергнуть их, углубить революцию и продолжать войну. Французы выбрали в тот момент революционную якобинскую диктатуру. У маццинистов сил для этого не было. Они считали необходимым низвергнуть Карла Альберта и вести войну революционным путем, но за ними широкие массы не пошли. Однако ни сам Маццини, ни маццинисты не теряли надежды.

С начала 1849 г. итальянская революция стала оживать в Риме. Рим был далеко, до Рима было трудно добраться. Когда Пий IX увидел, что поднимается революционное волнение и маццинистская идея республики начинает побеждать, когда он убедился, что на монарха рассчитывать нечего, папа бежал из Рима, и Рим оказался в руках республиканцев. 5 февраля 1849 г. наскоро были устроены выборы и в Риме провозглашена республика. В Папской области были конфискованы церковные имущества, установлен принудительный налог с наиболее богатых фамилий, с крупных капиталистов и коммерсантов. Церковные земли были переданы бедным крестьянским семьям, помещения инквизиции отданы под квартиры бедноты. В марте 1849 г. в связи с усложнившимся положением республики Учредительное собрание вручило всю полноту власти триумвирату — Маццини, Саффи и Армелини. Триумвират продолжал политику Учредительного собрания, а в мае частную собственность декретировал священной и неприкосновенной.

Помимо Рима в Италии в 1849 г. существовали еще две республики: Венецианская и Флорентинская. Маццинист Манин, стоявший во главе Венецианской республики, боялся шире разворачивать классовую борьбу, что не могло не ослабить позиций революционной буржуазной республики.

Итальянская революция вступила в новый фазис. Это было уже через 10 месяцев после кровавого поражения французских рабочих в июне 1848 г., это было уже тогда, когда Николай I собрал армию против Венгрии, тогда, когда Фридрих Вильгельм разогнал Франкфуртский парламент, когда повсюду революционные волнения уже шли на убыль.

На севере Италии Карл Альберт, перед которым маццинисты ставили решительные требования, произвел новую попытку выступления против австрийцев, но потерпел снова поражение 23 марта 1849 г. при Наварре и, не зная, куда ему деться после этого поражения, отрекся от престола.

На престол вступил его сын Виктор Эммануил, который сейчас же заключил мир с австрийцами. Север был потерян, оставалась лишь Венеция — революционный остров среди враждебного монархического океана, но и она доживала последние дни, так как помощи ей ждать было неоткуда. Реакция торжествовала и на юге.

Папа Пий IX обратился с призывом ко всем католическим державам, чтобы они уничтожили Римскую республику и восстановили его на папский престол. Великих католических держав в то время было две — Австрия и Франция.

Новый австрийский император — Франц Иосиф давно уже мог бы, как ему приказывали из Петербурга, послать в Рим войска и уничтожить Римскую республику. Но тут выступила другая католическая держава — Франция. Президент Французской республики Луи Наполеон, избранный 10 декабря 1848 г. 5 млн. голосов, решил привлечь на свою сторону духовенство, всесильное во французской деревне (а французская деревня составляла в те времена около 90 проц. всего населения), и в то же время, не желая давать Австрии слишком большие полномочия в Италии, заявил, что Франция тоже католическая держава и выступит в защиту интересов папы. Армия у Наполеона III была лучше, чем у Австрии, и потому речи быть не могло о том, чтобы Австрия вступила с ним в единоборство, и так как Наполеон III никаких претензий не выставлял, то первенство осталось за ним. И вот он послал в Чивита-Веккию генерала Удино с армией в 10 тыс. человек. Первая встреча с революционными войсками Римской республики была для Удино неудачна; правда, он шел не со всеми силами. Первоначально думали, что республиканцы уступят без борьбы. Но в этот решительный момент республиканские войска, во главе с Гарибальди действовавшие очень мужественно, отбросили Удино.

Однако Удино не уходил из Италии и ждал дальнейших приказов из Парижа. Из Парижа прибыли и приказ и подкрепление, и он снова пошел на Рим. По всей дороге, по которой двигались

французы в Чивита-Веккию, они встречали шесты с плакатами, на которых была выставлена 5-я статья французской республиканской конституции — все еще считалось, что во Франции была республика, — ведь Луи Наполеон был еще не императором, а президентом. Эта 5-я статья гласила, что французский народ никогда не посягнет на свободу другого народа. Войска Удино читали эту статью и шли дальше. Военная дисциплина оказалась в данном случае сильнее. Конечно, при столкновении с французскими войсками, прекрасно обученными, наскоро сколоченная республиканская армия Рима должна была потерпеть неудачу и потерпела ее. Французские войска вошли в Рим. Генерал Гарибальди, сторонник создания Итальянской республики, успел отступить с частью своих сторонников из Рима. Гарибальди отклонил предложение консула США с приглашением доставить его в Америку и с отрядом в 4 тыс. человек пошел на помощь Венецианской республике. По дороге большинство гарибальдийцев было захвачено австрийцами, и сам Гарибальди был арестован пьемонтским правительством и выслан из Италии.

Папа Пий IX после поражения Римской республики был восстановлен в Риме во всех своих монархических правах. Этот момент может считаться концом итальянского народного движения.

Длительнее сопротивлялась Венецианская республика захватническим стремлениям австрийцев. Венеция героически отбивалась в течение нескольких месяцев, несмотря на голод и холеру, несмотря на огромные разрушения, сделанные снарядами Радецкого. В конце августа 1849 г. Венеция была занята австрийскими войсками.

Революция 1848 г. в Италии потерпела поражение, в первую очередь, вследствие ошибок руководителей демократического крыла буржуазии. Ни пьемонтская буржуазия, ни Маццини и его сторонники не понимали важности вовлечения в революцию подавленных нуждой, угнетенных итальянских крестьян против австрийцев и против итальянских феодалов. Они не вовлекли в революционную войну народные массы. А эта война против угнетателей-иностранцев была войной справедливой, она могла стать народной. Рабочий класс в Италии в 40-х годах XIX в. в связи со слабым развитием промышленности только еще складывался, а потому, выступая в городских движениях, он еще не выдвигал своих самостоятельных требований, идя за лозунгами революционной буржуазии. Народные движения в отдельных государствах Италии оставались стихийными, без надлежащего руководства. В поражении революции большую роль сыграла и интервенция со стороны Австрии и Франции. Эта революция по своему характеру была буржуазной революцией. Участие народных масс было незначительным, и это движение ограничивалось лишь несколькими городскими центрами.

